

© 2014 г.

В.В. СОГРИН

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ АМЕРИКАНИСТИКИ

Отечественная американистика, являвшаяся в советский период заметной научной дисциплиной, переживает в постсоветский период нелегкие времена. Ее развитие противоречиво. С одной стороны, она, как и другие гуманитарные дисциплины, обрела академическую свободу, развивается в условиях научного плюрализма. С другой стороны, она испытала на себе сокращение государственного финансирования, повлекшего серьезное уменьшение как численности самих американистов, так и количества публикуемых научных работ. Освободившись от директивных указаний КПСС по поводу истинного характера американского капитализма, его внутренней и внешней политики, она не смогла обрести полную независимость от российских политических перипетий. Начну статью с этой темы.

В воздействии политики на американистику, начиная с середины 1980-х годов, выделяется ряд этапов. Перестройка оказала на нее серьезное влияние. М.С. Горбачёв, поставивший целью соединить социализм с рынком и демократией, обозначил последние как *общечеловеческие ценности*. Выдвижение Горбачёвым концепции *общечеловеческих ценностей* означало признание стран, где наличествовали рынок, демократия, права человека, гражданское общество, побратимами реформируемого СССР. Так США из врага № 1 превратились в друга СССР. Вызов Горбачёву бросили радикальные реформаторы, которые потребовали не конвергенции социализма и капитализма, а полного отказа от социализма и принятия западной модели в чистом виде. И именно эти политики, главным лидером которых с 1990 г. выступил Б.Н. Ельцин, завоевывали нарастающую поддержку в массах. В 1991 г., открыто выступив против коммунизма, вооружившись западными, а следовательно, и американскими ценностями, Ельцин и его команда одержали победу на президентских выборах в России, молниеносно и легко подавили августовский реставрационный путч. С распадом СССР возникло новое российское государство.

Нет необходимости подробно рассматривать трансформацию российского общественного сознания на рубеже 80–90-х годов XX в. Это было сделано мною в других работах¹. Здесь же отмечу, что политические перипетии оказали непосредственное влияние на отечественную американистику. Многие американисты поспешили поменять прежние *минусы* в восприятии и освещении США на *плюсы*. Появились откровенно апологетические работы отечественных авторов, в том числе профессиональных американистов о США. Начиная со второй половины 1980-х годов наблюдался настоящий бум в деле

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН.

Суждения автора отражают его собственную научную позицию.

¹ См.: *Согрин В.В.* Теоретические подходы к российской истории конца XX века. – *Общественные науки и современность*, 1998, № 4, с. 124–134; *его же*. 1985–2005: три превращения современной России. – *Отечественная история*, 2005, № 3; *его же*. 1985–2005: перипетии историографического плюрализма. – *Общественные науки и современность*, 2005, № 1, с. 20–34; *его же*. Противоречивые итоги президентства В. Путина. – *Общественные науки и современность*, 2009, № 1, с. 69–87.

перевода и издания на русском языке работ западных, в первую очередь американских политологов, социологов, экономистов, историков. Среди историков доминировали те, кого в советский период зачисляли в консервативную (консенсуса) и либеральную школы. В течение одного десятилетия количество их работ, переведенных на русский язык, значительно превзошло количество книг американских “левых” историков, изданных в СССР в течение предшествующих 70 лет. Назову (в алфавитном порядке) только самых именитых либеральных и консервативных историков США, переведенных на русский язык: Д. Бурстин, М. Лернер, А. Шлезингер-младший, Л. Харц².

Но через два–три года после достижения “сердечного согласия” между Россией и США в России в силу внутренних перипетий, как и внешнеполитических коллизий, отчужденно проявилось разочарование в либерально-демократических идеалах, которое незамедлительно распространилось на их главного выразителя – Соединенные Штаты. Среди причин изменения отношения к Соединенным Штатам, кроме открытых притязаний Вашингтона на мировую гегемонию, важную роль сыграло разочарование в результатах радикальных рыночных реформ, распространившееся на западную цивилизацию и особенно на США, открыто покровительствовавших Ельцину и его преобразованиям. Защитники либеральной демократии (прежде всего партия “Яблоко”), обвинившие Ельцина и его режим в перерождении, не смогли эффективно противостоять негативным последствиям российского варианта смены социализма капитализмом, и виновником “дикости” российского западнического эксперимента в массовом сознании предстали не “отступники” от либеральной демократии, а она сама³.

Целый ряд недавних убежденных российских демократов и антикоммунистов отказались от прежней позиции, обнаружили готовность возложить ответственность за неожиданные повороты реформ на Соединенные Штаты. Да и у самого Ельцина и его идеологов появился соблазн перенести недовольство масс своим положением полностью на западного партнера, сняв с себя ответственность за “дикий” отечественный капитализм. Так в России стало восстанавливаться негативное отношение к американской цивилизации. На современном этапе критическое отношение к США проявилось наиболее полно. Антиамериканизм стал пропагандистским дискурсом, призванным сплачивать россиян вокруг власти. При этом в реальной практике российско-американских отношений, особенно в последние годы, позитивных результатов было больше, чем негативных изменений. В период пребывания в Соединенных Штатах у власти Б. Обамы между США и Россией был заключен целый ряд важных договоров – о сокращении стратегических ядерных вооружений, о сотрудничестве в ликвидации террористических угроз в Афганистане и других странах, об укреплении режима нераспространения ядерного оружия и соответствующих мерах в отношении Ирана и Северной Кореи, о ликвидации химического оружия в Сирии. Это свидетельствовало об укреплении партнерства двух стран в важнейших вопросах мировой политики.

Многие россияне, безусловно, восприимчивы к антиамериканизму. Он воспринят и целым рядом историков, в том числе известных и авторитетных. Несколько примеров. Член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров выступил с той концепцией, что Россия в 1905 г. могла рассчитывать на победу в войне с Японией, а ее проигрыш стал результатом происков США, вынудивших Россию пойти “на уступку Японии Курил и Южного Сахалина”⁴. В действительности, как это давно показано и в американской, и в российской исторической литературе, США и их президент Т. Рузвельт, выступившие с согласия как Японии, так и России, арбитром на их переговорах в 1905 г., исповедовали концепцию баланса сил и по этой причине, требуя уступок от потерпевшей поражение России, сдерживали (и сдержали) чрезмерные притязания Японии. Тезис А.Н. Сахарова

² См. подробнее: *Согрин В.В.* 1985–2005: перипетии..., с. 20–34.

³ См. подробнее: *Согрин В.В.* 1985–2005: три превращения современной России. – Отечественная история, 2005, № 3, с. 3–24.

⁴ *Сахаров А.Н.* Правда о неоконченной войне. Позорный проигрыш русско-японской войны 1905 года не более чем исторический миф. – Российская газета, 13.XI.2006.

о том, что США в 1905 г. показали “еще раз, кто является истинным дирижером событий на Дальнем Востоке”, антиисторичен. Дело в том, что в тот период, а тем более ранее США по своему влиянию в мире и на Дальнем Востоке уступали всем ведущим европейским державам – Англии, Германии, Франции – и из-за позиции последних не сумели воплотить в жизнь своих стратегических установок, в первую очередь доктрины “открытых дверей”. К тому же А.Н. Сахаров “упустил из виду”, что Курилы с 1875 г. принадлежали Японии⁵ и уступать их не требовалось.

Другой известный историк, В.И. Дашичев, выдвинул антиамериканскую версию о том, что в 1960-е годы администрация США, боясь “успешного реформирования социалистического строя, его демократизации и превращения в притягательную силу”, спровоцировала интервенцию стран Варшавского договора против Чехословакии: “Еще в 1968 году Пражская весна, возвестившая возможный переход Чехословакии к новому демократическому социализму и способная в случае успеха реформации оказать большое влияние на страны Запада, вызвала сильную тревогу у правящих кругов США. Лично президент Джонсон пытался внушить советскому руководству, что Восточная Европа рассматривается в Вашингтоне как сфера советских интересов, и если Кремль примет решение ввести войска в Прагу, чтобы сместить реформаторов, Америка не станет вмешиваться. Джонсон, по сути, провоцировал Брежнева на вторжение в ЧССР, которое и произошло”⁶.

В.В. Овчинников, обозреватель “Российской газеты”, в прошлом автор ярких книг “Корни дуба” (об Англии) и “Ветка сакуры” (о Японии), выступил с пространной статьей, где доказывается, что И.В. Сталин в годы Второй мировой войны заимствовал идею этнических чисток у президента США Ф.Д. Рузвельта⁷. Не ссылаясь на источники, он доказывает, что в конце 1943 г. во время Тегеранской конференции в ответ на просьбу посоветовать, как ему поступить с чувствительными к германской пропаганде “мусульманскими общинами на Кавказе и в Крыму”, Рузвельт “подсказал Сталину идею этнического ГУЛАГа”. Овчинников, описав, как Рузвельт разместил в американском Гулаге тысячи американских японцев после нападения Японии на США 7 декабря 1941 г., утверждает, что Сталин в своей этнической политике последовал этому совету.

Да, Рузвельт переместил 100 тыс. японцев с Тихоокеанского побережья США на период войны во внутренние районы страны. Никто из них при этом не пострадал, они жили в сносных условиях, а после войны вернулись в прежние места проживания. Но Сталина не нужно было обучать опыту этнических чисток. Еще в июле 1941 г., т.е. задолго до Рузвельта, сразу после начала войны с Германией, сталинским указом до миллиона поволжских немцев было перевезено в стольпинских вагонах в Сибирь и Северный Казахстан, а после войны на прежнее место проживания они возвращены не были.

В последние годы стал активно возрождаться миф о том, что продажа Аляски Соединенным Штатам в 1867 г. была “крупнейшей политической аферой XIX века” и “предательством национальных интересов России”⁸. В предатели, таким образом, попадают император Александр II и российский министр иностранных дел А.М. Горчаков. На самом деле Россия продала Аляску в силу объективных причин. Она потерпела поражение в Крымской войне, крайне нуждалась в деньгах, а Аляска приносила ей убытки. Россия уступила Аляску за 7,2 млн долл., при этом американские сенаторы упорно не хотели ратифицировать соглашение о покупке “морозильника”, как они называли Аляску, и российскому послу в США пришлось лоббировать ее продажу при помощи щедрых взяток законодателям Соединенных Штатов.

⁵ Этот факт зафиксирован в школьных учебниках.

⁶ Дашичев В. СССР не был обречен. – Литературная газета, 24–30.IV.2013.

⁷ Овчинников В. Скелет в шкафу. Идею “этнического ГУЛАГа” Сталину подсказал Рузвельт. – Российская газета, 23.XII.2008.

⁸ Критику этого мифа и его современных версий и выразителей в России см.: Иванян Э.А. История с А.С. и Р.С. – США. Экономика. Политика. Культура, 2011, № 12, с. 61–82.

Перед российскими американистами стоит выбор. Или, следуя принципам академической свободы, возникшей в постсоветский период, пытаться выяснять историческую истину, скрупулезно взвешивая и соотнося разные стороны американского исторического опыта, или, подчиняясь антиамериканскому пропагандистскому дискурсу, выстраивать одностороннее видение этого опыта. Хочется надеяться, что американисты сделают выбор в пользу первого подхода.

Научному развитию американистики поспособствует углубление *диалога* с историками США. Речь идет именно о *диалоге*, а не о *противоборстве*, которое характеризовало отношение историографий СССР и США в недавнем прошлом. Противоборство означает стремление к научной монополии, к дискредитации и устранению оппонента-соперника, а диалог – взаимообмен научными результатами и дискуссией в целях совместного приближения к научной истине, что предполагает восприятие у оппонента рациональных аргументов, выводов, достоверных фактов. В советский период в рамках противоборства отечественные историки исходили из того, что американские исследователи не в состоянии постичь научную истину, поскольку не опираются на марксизм. А историки США были убеждены, что советские авторы обречены на научную неудачу, поскольку скованы марксизмом. *Противоборство*, если воспользоваться терминологией политической науки, это “игра с нулевой суммой”: каждая сторона стремится к абсолютной победе, а оппонента ждёт полное поражение.

А *диалог* – это научное обогащение каждой стороны за счет убедительных аргументов и неопровержимых фактов оппонента, это приращение общего знания в интересах исторической науки в целом. Необходимо признать, что культура диалога в российской историографии еще далеко не сформирована, у многих историков она отсутствует, но в ее развитии в постсоветский период достигнуты позитивные результаты. В постсоветский период противоборство с буржуазной историографией уступало место диалогу и дискуссии со всеми без исключения направлениями и течениями мировой исторической науки, а главным критерием отношения к выводам и концепциям той или иной школы становится их соответствие исторической реальности, а не ценностно-мировоззренческим предпочтениям представителей данной школы. Отечественная американистика, как и вся отечественная историческая наука, сохраняя национальные черты, вместе с тем стала всё более тесно интегрироваться в мировую историческую науку, что влечет за собой признание и максимальный учет самых разных научных достижений.

Такой подход к зарубежным научным школам, конечно, порождает ряд проблем, прежде неизвестных. А главная проблема проистекает из того, что зарубежные научные школы часто находятся между собою в конфликтных, а то и в антагонистических отношениях. Механистическое, непрофессиональное восприятие их научных результатов может привести к чудовищной эклектике или принятию в изложении той или иной проблемы беспринципной позиции “с одной стороны – с другой стороны”. Сравним переведенные на русский язык на современном этапе две классические фундаментальные работы по истории США. Первая – это трехтомный труд Д. Бурстина, посвященный историческим этапам и в первую очередь материальным достижениям североамериканской цивилизации⁹. Вторая работа – объемная монография Г. Зинна “Народная история США”¹⁰, изданная в Соединенных Штатах впервые в начале 1980-х годов и выдержавшая в течение последующего периода около 10 изданий. Оба труда вошли в золотой фонд американской исторической науки, но они разительно отличаются и по подходам к американской истории, и по привлеченному материалу, и по выводам.

Труд Бурстина – это история предприимчивых белых индивидуумов из самых разных социальных слоев, добывающихся успехов в различных сферах, в первую очередь материально-экономической, на всех этапах истории. Это история тех, кого в Америке называют “победителями”, и именно они, как явствует из труда Бурстина, составляют

⁹ Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993; *его же*. Американцы: демократический опыт. М., 1993; *его же*. Американцы: национальный опыт. М., 1993.

¹⁰ Зинн Г. Народная история США. М., 2006.

большинство нации, именно они являются типичными американцами. Работа же Зинна – это, по преимуществу, история тех, кто на разных этапах американской истории оказывался в рядах “проигравших” – это индейцы, чернокожие, испаноязычные, белые бедняки и подавляющее большинство женщин всех рас. Согласно Зинну, именно эти “проигравшие” составляли большинство нации, они и есть американский народ.

Позиции Бурстина и Зинна отражают не их индивидуальные особенности, а важнейшую черту американской исторической науки в целом. Во все времена она была разделена на соперничающие школы. Наличие данной особенности у американской профессиональной историографии, помимо всего прочего, убеждает, что у специалистов из других стран, в том числе у российских американистов, рассматривающих историю США “со стороны”, есть определенные преимущества для занятия непредвзятой научной позиции. Российские американисты, безусловно, не могут обойтись без достижений американской историографии при изучении истории США, но и американские историки в случае заинтересованности в более глубоком и всестороннем осмыслении исторического опыта США могут почерпнуть полезные оценки, заключения, интерпретации из исследований российских ученых.

Примером современной национальной особенности, влияющей на историческую науку США, но чуждой российской американистике, является *политкорректность* – набор мировоззренческих установок, оформившихся в американском обществе, в первую очередь в либеральных кругах (но ее не в состоянии проигнорировать и консерваторы) под воздействием общественно-политических процессов и изменений последней трети XX в. В историографии США укоренились “женские” и “афроамериканские” исследования, в университетах появились соответствующие кафедры и учебные курсы. В результате научная картина американской истории стала намного более разнообразной. Но в изучении новой проблематики обнаружились и серьезные перекосы, находящиеся в явном противоречии с принципами историзма. Многие историки в своем исследовательском видении подчинились либеральной политкорректности, которая фактически наложила табу на критические суждения в отношении афроамериканского, равно как и женского движений. Важнейшие события прошлого – Война США за независимость, Гражданская война, Прогрессивная эра начала XX в. и Новый курс 1930-х годов – стали оцениваться не столько в связи с их позитивными нововведениями в сравнении с предшествующими периодами, сколько в связи с неспособностью обеспечить равные права афроамериканцам, женщинам, как и другим “угнетенным” социальным группам.

Таким образом, у российских американистов есть основания вырабатывать собственную исследовательскую позицию в постижении исторического опыта США. Я формулирую эту позицию так: раскрывать и исследовать максимально полно самые разнообразные явления и стороны американской истории, все ее плюсы и минусы и стремиться к нахождению их объективного соотношения, *точной меры*. Конечно, понятия “плюсы” и “минусы” американской истории не могут не отразить присутствия у историка определенной мировоззренческой позиции. Если попытаться обозначить мою собственную позицию, то я бы предпочел определение *гуманистический подход*. Улучшение материального положения, условий и качества жизни, свободы не одного или даже нескольких социальных классов и групп, а всех их, равно как и всех членов общества и всего народа, – я придерживаюсь этих критериев при оценке эволюции любого общества, в том числе и американского. Но, конечно, такой подход в профессиональной исторической работе не может абсолютизироваться, ибо это создает опасность перехода на позицию, схожую с политкорректностью. Самым надежным противоядием в этом случае является историзм – оценка исторических изменений в контексте исторических возможностей и условий страны, а также в связи с тем, как и в каком направлении они обновили общество в сравнении с предшествующими этапами истории.

Многие современные историки рассматривают историю как историческую культуру, которая включает в себя несколько субкультур. Принимая такой подход, я выде-

ляю в качестве главных три исторические субкультуры¹¹. Это *народная субкультура*, отражающая восприятие истории массовым общественным сознанием. Это *государственно-политическая субкультура*, созданная в той или иной мере при посредстве государственного заказа или партийными публицистами и идеологами. Это *научная академическая субкультура*, созданная профессионалами на основе документальных источников и научных дисциплинарных критериев. Но и в рамках академической историографии в постсоветской России оформились разные исторические направления и школы¹². В отечественной академической американистике пока что деление на школы и направления не обозначилось столь отчетливо, как в историографии российской истории. О состоянии американистики лучше судить по изучению научным сообществом в целом тех или иных крупных исторических тем, в первую очередь истории внутренней и внешней политики.

Необходимо отметить, что само научное сообщество российских американистов в постсоветский период претерпело серьезные изменения. Некоторые центры ослабили свою деятельность, другие исчезли, но их место заняли новые центры, причем все они возникли вне Москвы. Их особенность заключалась в том, что в условиях сокращения исторического образования они создавались при междисциплинарных кафедрах (например, международных отношений, политологии и истории), но историческая тематика в исследованиях ученых этих центров преобладала. Не случайно в 2009 г., когда была создана Российская ассоциация историков-американистов, практически все эти ученые вошли в нее. В настоящее время наиболее активны центры исторической американистики в Волгоградском, Тамбовском, Санкт-Петербургском, Нижегородском, Томском, Курском государственных университетах и в Вятском государственном гуманитарном университете. Большинство их сотрудников специализируются в изучении истории внешней политики США. “Старые” центры американистики сохраняют активность в Институте всеобщей истории РАН, Санкт-Петербургском институте истории РАН, на кафедре новой и новейшей истории Московского государственного университета, в Российском государственном гуманитарном университете. Заметны американисты Пермского, Самарского и Саратовского государственных университетов¹³.

Историческая американистика исследует разнообразные темы американской истории, но наибольшая творческая активность в постсоветский период была присуща такому традиционному сильному исследовательскому направлению, как изучение истории российско-американских и советско-американских отношений. В 1997–1999 гг. под редакцией академика Н.Н. Болховитинова было опубликовано фундаментальное трехтомное исследование “История русской Америки”¹⁴, получившее высокие научные оценки. Этот труд вместе с монографиями советского периода Н.Н. Болховитинова, Г.П. Куропятника, как и рядом новейших исследований, среди которых можно выделить книгу И.И. Куриллы¹⁵, почти исчерпывают возможности изучения истории русско-американских отношений нового времени “вширь” (остается неисследованным период российско-американских отношений конца XIX – начала XX в.)¹⁶. Что касается возможностей их изучения “вглубь”, то, отнюдь не умаляя значения названных фундаментальных трудов, хотелось бы, чтобы в последующем больше внимания уделялось выявлению

¹¹ *Согрин В.В.* Три исторические субкультуры постсоветской России. – *Общественные науки и современность*, 2013, № 3, с. 91–105.

¹² *Согрин В.В.* 1985–2005: перипетии, с. 20–24.

¹³ См. об этом: *Американский ежегодник 2008/2009*. М., 2010, с. 211–311.

¹⁴ *История русской Америки, 1732–1867*, т. 1–3. М., 1999.

¹⁵ *Курилла И.И.* Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград, 2005.

¹⁶ На современном этапе российские авторы уделяют основное внимание истории русской Америки. Возникло несколько центров изучения этой тематики: *Петров А.Ю.* Региональные отечественные научные центры по изучению истории русской Америки и колонизации северной части Тихого океана. – *Американский ежегодник 2008/2009*. М., 2010, с. 310–311.

роли российско-американских отношений в общем контексте и объеме внешней политики как России, так и США. А это невозможно без исследований истории внешнеполитических отношений США с другими европейскими державами. В первую очередь речь идет об исследованиях отношений США с Великобританией. Именно она (а отнюдь не Россия) в новое время являлась главным объектом (порой партнером, но часто жестким конкурентом и даже противником) внешней политики США¹⁷. Другим важным объектом внешней политики США, исследование которого следует расширять и углублять, являются отношения с Латинской Америкой. Без изучения этих и ряда других центральных направлений внешней политики США объективно оценить удельный вес и значение российско-американских отношений во внешней политике США нового времени невозможно¹⁸. Отметим, что развитию объективного сбалансированного подхода к этой теме способствовали два коллективных труда по истории внешней политики США нового времени, изданных Центром североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН в 1990-е годы¹⁹.

Среди работ отечественных американистов, посвященных истории советско-американских отношений, выделим труды академика Г.Н. Севостьянова по истории советско-американских дипломатических отношений межвоенного периода²⁰ и проф. В.О. Печатнова об отношениях СССР и США в 1940-е годы²¹. Фундаментальной монографией последнего присуще преодолению одностороннего подхода, характерного в освещении этой темы для отечественных исследователей советского периода, как и для ряда авторов постсоветского этапа. В.О. Печатнов впервые столь разносторонне, полно, объективно, основываясь на максимально возможном использовании архивных материалов обеих стран, раскрывает позитивные и негативные аспекты дипломатических стратегий и практик обеих великих держав.

Примечательной тенденцией постсоветского периода стало появление исследований по истории внешней политики США, в которых пристальное внимание уделяется ее цивилизационным и социокультурным основаниям. Среди таких исследований привлекают внимание монографии проф. В.Л. Малькова “Путь к имперству. Америка в первой половине XX в.” и “Россия и США в XX веке”²². В теоретико-методологическом отношении в один ряд с монографиями В.Л. Малькова может быть поставлено исследование современной американской внешней политики Э.Я. Баталова, в котором специально проанализированы социокультурные исторические основания внешней политики

¹⁷ Одной из немногих отечественных исследований, где показано это, остается монография А.И. Кубышкина: *Кубышкин А.И.* Англо-американское соперничество в Центральной Америке в XIX – начале XX в. Саратов, 1994.

¹⁸ Некоторые подвижки в этом отношении наметились – были защищены докторские диссертации и опубликованы монографии, посвященные не изучавшимся в советский период важным аспектам внешнеполитической истории США нового времени. См., например: *Краснов Н.А.* США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801. М., 2000; *Акимов Ю.Г.* От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в 1613–1713 гг. СПб., 2002. Назову также монографии, посвященные внешней политике США первых десятилетий независимости: *Трояновская М.О.* Дискуссии по вопросам внешней политики США (1775–1823). М., 2010; *Исэров А.А.* США и борьба Латинской Америки за независимость. М., 2011.

¹⁹ История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877. М., 1994; История внешней политики и дипломатии США 1867–1918. М., 1997.

²⁰ *Севостьянов Г.Н.* Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. М., 1992; *его же.* Москва – Вашингтон. Дипломатические отношения. 1933–1936. М., 2002.

²¹ *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. В 2012 г. В.О. Печатнов совместно с А.С. Манькиным издан объемный учебник по истории внешней политики США. – *Печатнов В.О., Манькин А.С.* История внешней политики США. М., 2012.

²² *Мальков В.Л.* Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004; *его же.* Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009.

США²³. Одной из “длинных” тенденций и оснований американской внешней политики, тщательно и тонко раскрытых обоими авторами, является мессианиззм.

Ряд оригинальных исследований постсоветской американистики посвящен центральным проблемам внешней политики США эпохи мировых войн и межвоенного периода²⁴. В докторских диссертациях В.В. Романова и В.Т. Юнгблуда преодолены тенденциозные интерпретации внешней политики (особенно ее идеологических аспектов) В. Вильсона и Ф.Д. Рузвельта. В советский период оценки В. Вильсона носили резко негативный характер, его взгляды грубо искажались²⁵. В постсоветский период односторонность оценок стала преодолеваться. Особый вклад в это внес В.В. Романов. Вместе с тем в его сбалансированной оценке внешнеполитической стратегии В. Вильсона ограниченность последней и ее подчиненность национальным интересам США остались, на мой взгляд, не в полной мере проясненными²⁶. В фундаментальном исследовании В.Т. Юнгблуда раскрыты реальные различия, основные положения и нюансы внешнеполитических позиций разных групп американского политического класса эпохи Второй мировой войны. Его монография помогает лучше понять, какие трудности пришлось преодолевать Рузвельту и его сторонникам в создании и поддержании альянса с антагонистической для многих американцев социалистической страной.

Большой вклад в исследование внешней политики США послевоенного периода внес Центр по изучению истории холодной войны Института всеобщей истории РАН. Им опубликован ряд оригинальных коллективных и индивидуальных трудов, проведены научные конференции, способствовавшие более полному, разностороннему, взвешенному анализу перипетий советско-американских отношений второй половины XX в.²⁷

Признавая позитивные результаты изучения современными отечественными американистами истории внешней политики США, можно отметить и недостатки, в том числе принципиальные, имеющие значение для объективного освещения истории внешней политики США. Обращает на себя внимание то, что большинство авторов сосредоточены на исследовании очень узких, крайне ограниченных во времени и пространстве сюжетов и тем внешней политики США. Само по себе это не является недостатком, вполне объяснимо. Критическое отношение вызывает то, что подавляющее большинство авторов не пытаются и даже не ставят задачи раскрыть значение узкой темы в контексте внешней политики США в целом. Как исследуемый ими вопрос или аспект коррелирует

²³ Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005.

²⁴ Егорова Н.И. Изоляционизм и европейская политика США, 1933–1941. М., 1995; Юнгблюд В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров, 1998; Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921). Москва – Тамбов, 2005; Мягков М.Ю. Проблема послевоенного устройства Европы в американско-советских отношениях 1941–1945 гг. М., 2006; Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 году. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006.

²⁵ Примером могут служить оценки А.Н. Яковлева, высказанные в монографии 1984 г., вобравшей материалы его кандидатской и докторской диссертаций. В частности, утверждалось, что вильсоновские “пресловутые 14 пунктов” ставили целью передать европейские колонии под “управление США”: Яковлев А.Н. От Трумэна до Рейгана. М., 1984, с. 6. В действительности Вильсон отстаивал идею ликвидации всех колоний. Через два года после выхода книги А.Н. Яковлев стал одним из главных идеологов горбачёвской Перестройки, и его оценки американского опыта сменились с отрицательно уничтожительных на сугубо позитивные.

²⁶ Сошлось на неконкретный вывод В.В. Романова о том, что “модель нового миропорядка, разработанную Вильсоном, нельзя считать безупречной” (Романов В.В. Указ. соч., с. 171).

²⁷ См., например: Холодная война. 1945–1963 годы. Историческая ретроспектива. Под ред. Н.И. Егоровой, А.О. Чубарьяна. М., 2003; Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. Под ред. Н.И. Егоровой, А.О. Чубарьяна. М., 2003; “Круглый стол” в ИВИ РАН: «Феномен “холодной войны” в международных отношениях XX века: итоги и перспективы исследования». – Новая и новейшая история, 2006, № 6; Гайдук И.В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М., 2012.

с общим содержанием внешней политики США и как корректирует (если корректирует) наши представления о ней? Многим исследователям, особенно начинающим, можно адресовать давнее, но сохраняющее актуальность для исторической профессии суждение Б.Ф. Поршнева: “Тот, кто изучает лишь ту или иную точку исторического прошлого или какой-либо ограниченный период времени, – не историк, он знаток старины, и не больше: историк только тот, кто, хотя бы и рассматривал в данный момент под исследовательской лупой частицу истории, всегда мыслит обо всем этом процессе”²⁸.

Принципиальна следующая проблема. Отечественные авторы в целом согласны в том, что США на протяжении всей своей истории были “мессианской” страной, что уже предопределяло их стремление к расширению глобального влияния. Это стремление усиливалось успешным капиталистическим развитием Соединенных Штатов, неизменно заинтересованных, особенно с конца XIX в., в утверждении на ведущих и господствующих позициях на мировых рынках. Эти факторы обусловили гегемонистский характер внешней политики США, ярко проявившийся в период “холодной войны”, как и особенно зримо – после ее окончания. Но в отличие от всех империй прошлого США являются либерально-демократической страной, а следовательно, если признавать их влияние в мире имперским (автор статьи склоняется к этому²⁹), *либерально-демократической империей*. Возникает вопрос: как ценности либерализма и демократии влияли на гегемонистскую внешнюю политику США? На мой взгляд, безусловно, влияли. Но каким образом? Этот вопрос, на мой взгляд, должен присутствовать в сознании исследователя, анализирующего внешнюю политику США и стремящегося к ее объективной оценке, чего пока не наблюдается. Это не может удовлетворить, тем более что в антиамериканском пропагандистском дискурсе, присутствующем в современной России, признание гегемонистского характера внешней политики США начинает активно использоваться для дискредитации ценностей демократии и либерализма. Например, в конце 2013 г. в передачах центрального российского телеканала, посвященных Первой мировой войне, два известных публичных историка доказывали, что США, вступив в войну, ставили целью утвердить господство над миром, ликвидировать не только германскую империю, но и православную российскую монархию. Такая оценка, навязываемая зрителю, не только является фальсификацией роли США в мировой войне, но и обеснованием положения, что демократия, покусившаяся, как и большевизм, на православную монархию, тем самым является безусловным злом.

Проблема объективного соотношения американской демократии и американского гегемонизма тем более актуальна, что и в зарубежной историографии она не нашла должного освещения. Одним из первых и до сих пор немногих, кто подступил к ней, является норвежский исследователь Г. Лундестад. Приводя примеры того, как государства разных континентов добровольно воспринимали американские либерально-демократические ценности, обращались к США за их поддержкой, устремлялись в созданные и руководимые ими экономические и финансовые международные организации, как и в военно-политические союзы, он счел возможным назвать США “империей по приглашению” (это определение нашло понимание со стороны ряда авторов)³⁰.

Примеры добровольного восприятия разными странами и народами американских ценностей нельзя игнорировать, но их важно объективно интерпретировать и оценивать в широком контексте американской внешней политики. Невозможно не учитывать то обстоятельство, что либерально-демократические ценности США неоднократно привлекали симпатии разных стран и народов. Народы Латинской Америки в период

²⁸ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 95.

²⁹ Согрин В.В. Рождение американской империи: 1898–1918. Причины, цели, методы. – Новая и новейшая история, 2013, № 3, с. 61–84.

³⁰ Lundestad G. Empire by Invitation? The United States and Western Europe, 1945–1952. – Journal of Peace Research, v. 23, № 3 (Sep., 1986), p. 263–277; Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. М., 2002, с. 14.

борьбы за независимость с Испанией брали на вооружение либерально-демократические принципы Декларации за независимость и Конституции Соединенных Штатов. Они стремились к дружбе с Соединенными Штатами, хотя уже тогда США, поддерживая свободололюбивые устремления южных соседей, пытались вслед за экспортом в них своей идеологии, утвердить там вместо испанского и португальского собственное экономическое и политическое преобладание. В XX в. отмечены примеры того, как США “привносили” либеральную демократию в крупные страны (Германия и Япония после Второй мировой войны), и эти эксперименты приживались. В течение последних 20–30 лет на наших глазах США оказывались “империей по приглашению” в целом ряде стран бывшего советского блока и даже бывшего СССР.

Отметим также, что у перманентного американского мессианизма были разные составляющие, противоречивые, в чем-то взаимоисключающие. Подходить с одинаковыми мерками к каждой из этих составляющих означало бы исказить историческую истину, как и их синтетическую картину. Применительно к России рубежа XIX–XX вв. различие составляющих американского мессианизма обобщила В.И. Журавлёва, выделившая четыре его измерения: «Это *политическое измерение*: оппозиция политическому режиму в России и ощущение ответственности за процесс ее реформирования в контексте глобальной миссии Америки по демократизации мира (“американцы как политические наставники”). Это *экономическое измерение*: заманчивые перспективы экспансии товаров, капиталов, технологий в Россию, ее экономическая модернизация (“урок американского капитализма”) с извлечением США экономической выгоды. Это *религиозное измерение*: продвижение рациональной американской веры вместо ортодоксальной русской. Это *гуманитарное измерение*: искренняя помощь голодающей и нищей России богатой и процветающей Америкой (“американцы как международные филантропы”))»³¹. В объективной оценке американского мессианизма и империи необходимо учитывать разные составляющие. Но, конечно, невозможно в синтетической картине преуменьшать то, что, привнося во многие страны либерально-демократические ценности, США пытались затем утвердить в них свое экономическое, а часто и политическое доминирование, что зачастую вызывало в этих странах отторжение и американского влияния, и либерально-демократических принципов.

Типичным для российских американистов, изучающих внешнюю политику США, является ее восприятие и оценка сквозь призму национальных интересов СССР/России. Такой взгляд, возможно, имеет право на существование, но в интересах объективного анализа необходимо признавать, что у США есть собственные национальные интересы, которые не могут не учитываться и не рассматриваться всесторонне в контексте мировой политики. Конечно, критическое отношение к национальным интересам США не исключается, но черно-белое противопоставление национальных интересов США и России вряд ли может служить основой объективной интерпретации внешней политики США. Тем более что национальные интересы США на разных исторических этапах не были неизменными. А на некоторых этапах, например, в годы Второй мировой войны, мирного сосуществования, разрядки, советской Перестройки, магистральные линии внешнеполитической стратегии двух стран сближались и в чем-то совпадали. Необходимо также учитывать реальные различия внешнеполитических стратегий двух главных партий США. Например, внешнеполитическая стратегия Б. Обамы имеет серьезные отличия от внешнеполитической стратегии Буша-младшего³², и не видеть различий между ними, что характерно для многих российских публицистов, значит обрекать себя на предвзятые пропагандистские выводы.

Для отечественных американистов, обращающихся к внешней политике США при выборе собственной исследовательской темы, характерен поиск вопросов, которые

³¹ Журавлёва В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012, с. 1016.

³² См.: Согрин В.В. Внешняя политика Дж. Буша-младшего. Генезис. Эволюция. Итоги. – Новая и новейшая история, 2014, № 2; *его же*. Барак Обама: внешняя политика либерального прогрессиста. – Общественные науки и современность, 2014, № 3.

прежде не рассматривались. Но из поля зрения отечественных американистов в результате выпадают вопросы, которые формально уже изучались, но в изменившейся в постсоветский период историографической ситуации требуют нового всестороннего изучения и осмысления. Тем более что на современном этапе на русский язык переводятся труды иностранных авторов, при этом не только американских, содержащих принципиально отличные оценки тех или иных сюжетов американской внешней политики и представляющих научный вызов для отечественной американистики.

В связи с этим приведу два примера. В работе по истории Англии британского автора утверждается: «И в Первой и во Второй мировых войнах решающую роль сыграло участие Соединенных Штатов, что в свою очередь привело к установлению нового миропорядка»³³. Такая оценка противоречит оценкам российской историографии, но с учетом того, что она типична для западной исторической мысли и стала в ней чуть ли не общим местом, ее можно воспринять как исследовательский вызов для отечественных специалистов по истории внешней политики США. Думается, этот вызов требует нового непредвзятого анализа реального воздействия вступления США в Первую мировую войну весной 1917 г. Ведь невозможно игнорировать тот факт, что после этого положение на Западном фронте стало меняться и что даже после выхода из войны России весной 1918 г. и укрепления в результате позиций Германии на Западном фронте германская империя уже через полгода потерпела сокрушительное поражение и в ноябре подписала акт о капитуляции. Очевидно, что вступление США в войну имело отношение к такому повороту событий, но в какой степени оно повлияло на него? Вопрос для отечественной американистики остается актуальным. Что касается Второй мировой войны, то даже те западные авторы, которые признают решающий вклад СССР в победу над гитлеровской Германией, подчас доказывают, что без материальной помощи США Советский Союз не смог бы одержать такой победы. Российская американистика может дать свое решение этого вопроса с современных исследовательских позиций.

Второй пример – из переведенной на русский язык работы по истории Франции. Автор утверждает: «Благодаря американской экономической помощи (план Маршалла) страна вступила в период экономического и социального процветания, получившего название “тридцать славных лет”, так как продолжался почти до середины 1970-х гг.»³⁴. С точки зрения, утвердившейся в отечественной историографии, это апологетическая оценка исторического значения плана Маршалла. Но такая оценка распространена в зарубежной исторической науке, и если мы принимаем позицию диалога, а не противоборства с нею, то уже одно это требует осмысления ее фактических данных и аргументов, как и исследовательской перепроверки наших собственных выводов.

Рассмотрим теперь состояние изучения отечественной американистикой внутривнутриполитической, экономической и социальной истории США. Внутривнутриполитическая история США в постсоветский период изучалась весьма активно. Прежде всего необходимо отметить продолжение углубленного изучения истории политических партий³⁵, которая и в советский период исследовалась весьма плодотворно³⁶. Появились обобщающие

³³ *Иглз Р.* История Англии. Подробный справочник по истории. М., 2010, с. 238.

³⁴ *Литтлуд Й.* История Франции. Подробный справочник по истории. М., 2009, с. 180.

³⁵ См.: *Байбакова Л.В.* Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество (последняя треть XIX в.). М., 2002; *Лапина И.К.* Разделенное правление в США. М., 2008; *Печатнов В.О.* От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008.

³⁶ В связи с этим необходимо особо отметить научную деятельность лаборатории американистики исторического факультета МГУ. Созданная во второй половине 1970-х годов проф. Н.В. Сивачёвым, она сосредоточилась на изучении истории двухпартийной системы США. В то время советским идеологическим клише в отношении двухпартийной системы США было – «две партии, одна политика», т.е. различия между двумя главными партиями США не просто умахались, а отрицались. Научный коллектив под руководством Сивачёва, в который вошли не только американисты МГУ, но и специалисты из других академических центров, с самого начала опирался на совершенно иной подход: участникам двухпартийной системы США на всех

исследования американской политической истории и истории демократии в США³⁷. В них выделены исторические этапы американской политической власти и демократии, проанализированы основные компоненты, влиявшие на характер политической власти: демократия, плюрализм, элиты, их соотношение на разных этапах. Современная политическая модель США была определена как элитарно-конкурентная демократия.

На фоне активного изучения отечественными американистами истории внешней и внутренней политики США исследование экономической и социальной истории предстает неудовлетворительным. Исследователей, изучающих экономическую историю, – единицы. Можно отметить плодотворную деятельность Б.М. Шпотова, опубликовавшего фундаментальные монографии³⁸, и назвать некоторых исследователей, заявивших о себе глубокими статьями по современной экономической истории США³⁹. Но общего вывода они не отменяют: экономическая история США изучается в высшей степени слабо. Этому препятствуют разнообразные трудности, преодолеть которые очень непросто⁴⁰. К тому же следует отметить, что изучение американской экономической истории в самих США находится на очень высоком уровне, конкурировать с американскими исследователями, в первую очередь со школой клиометристов, затруднительно и проблематично.

Более благоприятные перспективы существуют в изучении социальной истории, которая может постигаться более глубоко, будучи сопряженной с историей экономической. Но состояние ее изучения, как и в случае с экономической историей, вызывает озабоченность. Остаются не преодоленными недостатки советской историографии социальной истории США, о которых следует упомянуть.

Во-первых, непропорционально большое число исследований по социальной истории было посвящено рабочему классу и рабочему движению. Во-вторых, исследования рабочего движения США были в сильнейшей степени подчинены идеологизированным установкам и стереотипам. “Сверхзадачей” являлось отыскание радикального и социалистического потенциала американского рабочего класса, неприятия им капитализма и капиталистической эксплуатации, поиск ответов на вопросы, почему “социалистический” и “революционный” потенциал американского пролетариата не реализовывался в те или иные периоды, какие ошибки совершали американские коммунисты и социалисты, призванные возглавить пролетариат в борьбе против капитализма.

Научная уязвимость подобного подхода, как и оснований на нем исследований американского пролетариата и буржуазии, в целом социальной истории, представляется очевидной. Непредвзятый взгляд на американскую историю обнаруживает, что историческая роль, влияние и облик американского пролетариата были советскими американистами серьезно искажены. В действительности на протяжении большей части

исторических этапах был присущ, с одной стороны, консенсус в отношении американских первооснов, а с другой стороны, альтернативность в понимании способов упрочения, совершенствования, а порой и спасения цивилизации США. Этот коллектив подготовил десятки научных трудов, в которых показывались если не все, то очень многие различия между двумя ведущими партиями на всех этапах американской истории. Об итогах деятельности коллектива см.: *Манькин А.С., Никонов В.А., Рогов Ю.Н., Язьков Е.Ф.* Некоторые итоги изучения истории двухпартийной системы США. – Новая и новейшая история, 1988, № 2, с. 18–33; *Галкин И.В., Манькин А.С., Печатнов В.О.* Двухпартийная система в политической истории США. – Вопросы истории, 1987, № 9, с. 50–67.

³⁷ *Согрин В.В.* Политическая история США. XVII–XX вв. М., 2001; *его же.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.

³⁸ *Шпотов Б.М.* Промышленный переворот в США, ч. 1–2. М., 1991; *его же.* Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы. М., 2013.

³⁹ Среди них хотелось бы выделить Челябинского американиста Л.В. Никитина: *Никитин Л.В.* Конкуренция штатов в банковской системе США: от “революции Рейгана” до реформы Обамы. – Американский ежегодник 2012. М., 2012, с. 26–43.

⁴⁰ *Шпотов Б.М.* Экономическая история США: что препятствует развитию. – Американский ежегодник 2008/2009. М., 2010, с. 39–46.

американской истории конфликт пролетариата и капиталистического класса не играл не только главной, но на многих этапах вообще сколько-нибудь существенной роли. В течение четырехвековой американской истории этот конфликт только дважды – на рубеже XIX–XX вв. и в 1930-х годах – выходил на ведущее место в социальных взаимоотношениях Соединенных Штатов, приобретал радикальный, но даже и в те времена не антагонистический характер. Во все же иные периоды американской истории основное социальное напряжение в США создавалось иными социальными силами, которым отечественные американцы не уделяли должного внимания.

История рабочего класса США заслуживает нового рассмотрения, при этом в переосмыслении нуждается в первую очередь соотношение различных тенденций и черт американского рабочего класса и движения. Одним из важных предметов изучения истории рабочего класса должна стать история его повседневности, включающей социальную и политическую культуру всех рабочих (а не только участников профсоюзного движения или сторонников коммунистической партии), ментальность, образ и условия существования, поведения, отношений в семье и т.д. В более полном и разностороннем изучении нуждаются другие объекты социальной истории: разнообразные расово-этнические, религиозные, возрастные, гендерные и иные социальные группы, многие среди которых на тех или иных этапах американской истории оказывали на общество большее воздействие, чем рабочий класс.

В изучении социальной истории Северной Америки колониального периода отечественная историография обладает только фрагментарными, разрозненными наработками, явно не дающими адекватного представления о социальной эволюции североамериканских колоний. Каждый из основных социальных слоев американского колониального общества – фермеры, плантаторы, предприниматели, купцы, законтрактованные слуги, чернокожие рабы – заслуживает специального “сквозного”, т.е. рассматривающего его положение на разных этапах и на всем протяжении колониального периода, исследования. Особую роль в социальной жизни Северной Америки раннего периода занимали религия и церковь, которым советские американцы уделяли явно недостаточное внимание. Правда, на современном этапе положение стало исправляться: несколько молодых исследователей обратились к этой теме⁴¹. Их работы носят достаточно узкий характер, не дают целостного представления о характере, роли, удельном весе, соотношении различных деноминаций в раннем американском обществе. А ведь в американском колониальном обществе роль церкви и религии в самых разных сферах общественной жизни была велика, как ни в какие другие периоды американской истории. Церковь и приходы определяли содержание и нормы повседневной жизни американцев, в том числе вносили весомую лепту в формирование гражданского общества и социализацию всех социальных слоев и возрастных групп⁴².

Обратившись к эпохе Американской революции конца XVIII в., мы опять-таки увидим открыто недостаточное внимание к экономическим и социальным проблемам. Как изменились экономико-хозяйственные уклады американского общества в ходе революции и под ее воздействием? Как изменилось материальное и социально-статусное положение различных классов и слоев, каковой была горизонтальная и социальная мобильность, стало ли американское общество социально и экономически более открытым и в какой степени? Какими были количество и глубина экономических и социальных нововведений и как их плоды распределились между разными социальными группами? Вот вопросы, которые нуждаются в углубленном изучении отечественными американцами для понимания экономической и социальной истории революции и полнокровного синтеза ее истории.

⁴¹ См., например: *Хрулёва И.Ю.* Из истории радикального пуританизма в Америке: теологические и социально-политические взгляды Сэмюэля Готорна. – Американский ежегодник 1995. М., 1996, с. 91–110; *Галкина Е.В.* Основные тенденции развития протестантских течений в колониальной Америке. – Американский ежегодник 2000. М., 2002, с. 98–117.

⁴² Подробно о важности изучения этой темы см.: *Исаев С.А.* Состояние и перспективы изучения религиозной истории США. – Американский ежегодник 2008/2009. М., 2010, с. 31–38.

В исследовании постреволюционного периода важное место должна занять проблема аграрного развития США. После революции на протяжении еще нескольких десятилетий США оставались глубоко аграрной страной и именно в аграрной сфере развивались самые серьезные конфликты (в том числе конфликт между сторонниками и противниками рабства), укоренялись и развивались как принципиально важные позитивные изменения, так и драматические негативные тенденции. В целом сфера аграрных отношений, особенно развития и соотношения в ней фермерского и плантаторского укладов, коммерческих и натуральных хозяйств, социальной дифференциации сельского населения, заслуживает первостепенного внимания отечественной американистики. То же можно сказать и об аграрной истории присоединившихся к США западных территорий. Известно, что в первом крупном федеральном аграрном законе – Северо-западном ордонансе 1787 г. – объявилось об огосударствлении западных земель к северу от реки Огайо, при этом рабство на них запрещалось. В 1795 г., после того, как Испания отказалась от территории к югу от Огайо в пользу США, та также была включена в федеральный земельный фонд, но на ней рабство не запрещалось. В результате на западных территориях возникли противоречивые тенденции аграрного развития. Они усугублялись государственной политикой продажи западных земель, которая, однако, ослаблялась самочинными захватами американцами земли на Западе. Каковы были перипетии и результаты этих конфликтных тенденций и явлений в постреволюционные десятилетия? – вот вопрос, который нуждается в углубленном исследовании.

Тенденции развития торговли и промышленности в постреволюционный период рассмотрены в нашей американистике гораздо полнее, но вот их социальные аспекты и следствия заслуживают углубленного анализа. Ведь именно в тот период формируется социальная структура и социальная ментальность независимого американского общества, закладываются тенденции последующего социального развития. Какой была социальная мобильность, “взаимообмен” между разными социальными классами, группами и стратами, какими были социальные следствия начавшегося бурного развития банков и корпораций, как распределялись плоды независимого экономического развития между разными слоями – вот проблемы постреволюционной социальной истории, заслуживающие первостепенного внимания.

Обратимся к экономическим и социальным проблемам истории “длинного XIX века”, поскольку ряд историков не без основания полагает, что порожденные им тенденции реализовывались вплоть до Первой мировой войны. Здесь сохраняются немало дискуссионных проблем, которые остаются таковыми и для исследователей США. Вот главные среди них: 1) не признавая смены независимого предпринимательства монополистическим капитализмом в конце XIX – начале XX в., американские историки всё же соглашались, что свободная конкуренция оказалась ограниченной, но расходятся в определении степени ее ограничения крупными корпорациями; 2) по-разному оцениваются причины, мотивы, характер и последствия для общества выдвижения на ведущие экономические позиции крупного бизнеса; 3) серьезные различия существуют в вопросе об объеме возможностей вхождения в рыночно-капиталистическую экономику представителей некапиталистических слоев; 4) традиционно сильны различия в исчислении распределения национального продукта между разными классами и группами на разных этапах XIX – начала XX в.

Особого внимания заслуживает история корпоративного капитала, ставшего с последней трети XIX в. основой американского бизнеса и остающегося ею поныне. Корпорации, зародившиеся в первые десятилетия независимости, увеличились количественно и изменились качественно во второй четверти XIX в. Тогда возникла, по определению американских историков, “корпоративная революция”, завершившаяся уже на рубеже XIX–XX в. Этот американский феномен, оказавший в последующем большое воздействие на другие страны, долгое время характеризовался отечественной литературой исключительно негативно. Как отмечал российский историк А.А. Кредер, “в отечественной литературе предпринимательские корпорации изначально ассоциировались с монополиями, что предопределило разоблачительный характер многочисленных пуб-

ликаций на эту тему”⁴³. Но в действительности корпорации обладали различными сторонами, среди которых было немало позитивных, способствовавших экономическому подъему США. Так, изменилась в направлении демократизации законодательная практика учреждения корпораций. По справедливому выводу Кредера, подобные демократические изменения в корпоративном праве были результатом общественных процессов, связанных с реформами Э. Джексона и его сторонников. Корпоративное право было приведено в соответствие с набиравшими силу лозунгами “равенства возможностей” и “невмешательства государства”, эгалитарным менталитетом американцев.

Корпорации в результате приобрели облик бизнеса эпохи свободного предпринимательства, их учредители получили возможность действовать на основе знаменитого либерального принципа *laissez faire*⁴⁴. Корпорации стали мощным инструментом мобилизации частных капиталов для нужд внутреннего экономического развития, сыграв важную роль в дальнейшем упрочении американской либеральной капиталистической цивилизации. Вместе с тем до Гражданской войны корпоративный капитал по удельному весу еще уступал индивидуальному и партнерскому. Ситуация радикально изменилась после окончания Гражданской войны, когда корпорации в течение трех десятилетий заняли ведущие позиции в национальной экономике, при этом качественно изменились сами, трансформировавшись в крупные предпринимательские объединения. Известный американский историк А. Чендлер⁴⁵ выделил два крупных этапа в процессе концентрации и централизации промышленности США (его схема была воспринята многими американскими исследователями). Первый этап – с конца 1870-х до середины 1890-х годов – характеризовался развитием так называемых “горизонтальных” предпринимательских объединений, т.е. таких, которые концентрировали в своих руках главным образом производство одной и той же продукции. Второй этап – вторая половина 1890-х – первые годы XX в. – ознаменовался созданием таких объединений, которые установили контроль над отраслью “по вертикали”, включая добычу и поставку сырья, производство продукции и ее рыночную реализацию. Пик второго этапа – 1899–1903 гг. – явился и пиком процесса становления предпринимательских объединений в целом. Именно эти процессы, с точки зрения советских историков, привели к краху свободной конкуренции, торжеству монополистического капитализма, подчинению ему политической власти, вступлению капиталистической общественно-политической формации в “высшую” и одновременно его последнюю историческую стадию.

В постсоветский период от таких выводов отказались, но и фундаментального полнокровного научного ответа на вопрос, в чем же заключались основополагающие черты обновившейся капиталистической системы, не последовало, хотя появились работы, нацеленные на пересмотр односторонних оценок советских историков⁴⁶. История корпораций должна быть разделена на периоды, и каждый исследован отдельно. Один из первых периодов – вторая четверть XIX в. – начал плодотворно исследовать А.А. Кредер (к сожалению, этот талантливый американист безвременно скончался). В последней трети XIX в. роль и характер корпоративного капитала, на мой взгляд, серьезно изменились. Он не утратил позитивного влияния на американскую экономику, но, став в ней главенствующим, приобрел гораздо более противоречивый характер. Глубокая противоречивость корпоративного капитализма конца XIX – начала XX в.

⁴³ Кредер А.А. Американская предпринимательская корпорация: первое столетие истории. – Американский ежегодник, М., 1994, с. 54.

⁴⁴ Там же, с. 58.

⁴⁵ Chandler A.D. The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business. Cambridge (Mass.), 1977; *idem*. Scale and Scope: the Dynamics of Industrial Capitalism. Cambridge (Mass.), 1990.

⁴⁶ Шпотов Б.М. Организация большого бизнеса в США на рубеже XIX–XX веков. – Американский ежегодник. М., 1999, с. 34; *его же*. Большой бизнес в США: экономические, организационные и социальные характеристики в последней трети XIX – начале XX века. – 200 лет российско-американских отношений: наука и образование. М., 2007, с. 103–118.

породила серьезные дискуссии среди современников, и эти дискуссии не стихают по сей день. Исследовательская задача заключается в том, чтобы выявить и всесторонне проанализировать самые разные аспекты корпоративного бизнеса и максимально точно определить соотношение, точную меру как его позитивных, так и негативных, с точки зрения интересов общества, сторон.

Социальные конфликты XIX в. не исчерпывались коллизиями труда и капитала, более того, иные социальные конфликты на большинстве этапов (за исключением конца XIX – начала XX в.) имели большее значение. Их история заслуживает пристального изучения с современных исследовательских позиций. Особое внимание должно быть уделено средним и мелкособственническим слоям. Пристального внимания заслуживает история расово-этнических групп и конфликтов, как и гендерная история (взаимоотношения мужчин и женщин), которая вышла на ведущее место в современной исторической науке США. Ждет своего всестороннего исследования история различных религиозных деноминаций, групп, как и религиозных конфликтов. В советский период отечественные историки, за редким исключением⁴⁷, отводили им очень скромное место в истории XIX в., исходя из той установки, заключенной в классовом подходе, что религиозным отношениям в сравнении, скажем, с взаимоотношениями капитала и рабочего класса, принадлежала периферийная роль. В действительности религиозные отношения, занимавшие одно из центральных мест в общественной жизни Северной Америки в XVII–XVIII вв., сохранили важное значение и в XIX столетии. При этом в конфликте протестантской и католической церкви, являвшемся одним из центральных, сфокусировались очень важные классовые и этнические конфликты. Эти последние применительно к XIX в. подчас вообще не могут быть полнокровно изучены вне их религиозного выражения.

Обратимся теперь к проблемам экономической и социальной истории новейшего времени. Первый среди этих этапов – между двумя мировыми войнами – разделяется на “десятилетие процветания” (1920-е годы) и период Нового курса Ф.Д. Рузвельта. В историческом сознании американцев, как и в исторической литературе США, 1920-е годы традиционно обозначаются как десятилетие процветания (просперити). Исследователи обнаруживают в том десятилетии ростки общества потребления, массовой культуры, как и другие общественно-исторические феномены, которые легли в основание современной Америки. Советские американисты совсем иначе трактовали эти годы. Они исходили из трактовки 1923–1929 гг. как периода “временной и частичной стабилизации капитализма”. Такое определение означало, что общий кризис капитализма, начавшийся, согласно советской историографической концепции, в октябре 1917 г., лишь ненадолго приостановил экономический и социально-политический упадок капитализма, принципиально на его судьбы никак не повлиявший. Данная схема распространялась и на США. А ведь 1920-е годы стали не только одним из самых успешных десятилетий в экономическом росте Соединенных Штатов, но и оказали огромное воздействие на социальное, а особенно на социокультурное развитие США. Кризис 1929–1933 гг. прервал рост американской экономики, но после того, как кризис был преодолен, матрица общества потребления 1920-х годов реанимировалась, а вместе с этим возродились социокультурные нормы десятилетия процветания, которые в современной Америке только упрочились. Данным темам отечественная американистика практически не уделила внимания.

⁴⁷ К таким исключениям в первую очередь отнесу А.А. Кислову, которая на протяжении нескольких десятилетий своей научной деятельности плодотворно исследовала историю американской религиозной жизни XIX в. Ее труды не утратили научного значения и могут служить хорошей основой для дальнейшего изучения этой важной темы. См.: *Кислова А.А.* Социальное христианство в США. Из истории общественной мысли, 90-е гг. XIX – 30-е гг. XX в. М., 1974; *её же.* Религия и церковь в общественно-политической жизни США первой половины XIX в. М., 1989.

Среди экономических проблем Нового курса одной из наиболее дискуссионных являются мероприятия Ф.Д. Рузвельта по преодолению тяжелейшего в истории США экономического кризиса 1929–1933 гг. В какой степени все эти мероприятия способствовали выходу США из социально-экономического кризиса? В четырехтомном фундаментальном труде отечественных американистов, появившемся в середине 1980-х годов, утверждается, что Новый курс не смог вывести страну из экономического кризиса, что уровень безработицы в 1939 г. был выше, чем в 1931 г., и “фактически только война спасла капиталистическую экономику США от очередного, может быть еще более глубокого, кризиса и нового увеличения массовой безработицы”⁴⁸. Этот вывод, однако, не подтверждается, за исключением данных о безработице, статистическими выкладками о динамике американской экономики в 30-е годы, как и на протяжении всего рузвельтовского периода. Тема истинной меры экономического и социального успеха Нового курса, как и тема продолжения (или пресечения) его тенденций в годы Второй мировой войны, заслуживают, на мой взгляд, отдельного развернутого исследования отечественной американистикой.

Слабо исследованными остаются в отечественной американистике социальные последствия президентства Рузвельта. Анализировалось его социальное законодательство, воздействие на рабочее движение. Но как изменилась в 30–40-х годах XX в. социальная структура США, доходы разных экономических классов, расово-этнических, возрастных и гендерных групп? Какова была в те годы социальная мобильность? А социальные изменения в те годы были серьезными. Например, средняя реальная заработная плата рабочих за рузвельтовский период выросла в два раза⁴⁹, многие из них вошли в американский средний класс или вплотную приблизились к нему. Покупательная способность большинства населения серьезно выросла, и это в дальнейшем служило противовесом от экономических катастроф, подобных экономическому кризису 1929–1933 гг. Замечу, что возможности изучения экономической и социальной истории рузвельтовского периода в последние годы расширились благодаря существенному расширению доступной исследователям источниковой базы⁵⁰.

Изучение экономической и социальной истории США периода после Второй мировой войны выглядит удручающе. В постсоветский период многие историки восприняли концепцию смены после Второй мировой войны индустриального общества постиндустриальным. Но в научной литературе нет общепринятой концепции этапов становления постиндустриального общества; она слабо разработана в мировой историографии, а в отечественной вообще практически отсутствует. Крайне неудовлетворительно изучение социальных трансформаций в американском постиндустриальном обществе. Переход к постиндустриальному обществу перетряхнул практически все классы, слои, социальные группы, серьезно трансформировал взаимоотношения между ними, внес серьезные коррективы в характер и содержание социальных движений. В обществоведческой литературе при анализе социальной структуры постиндустриального общества укоренились такие понятия, как “беловоротничковые” социальные слои, “новый средний класс” и ряд других.

Социальные конфликты, занимавшие центральное место в американском обществе в прежние эпохи, в первую очередь конфликт между рабочим движением и предпринимателями, а также между крупным бизнесом и мелкими собственниками, отошли на второй план по сравнению с другими, например, расово-этническим и гендерным. Возник “новый средний класс”, численно намного превосшедший “старый”. Анализ всех этих пертурбаций потребовал от исследователей новых подходов, переосмысления как методологических, так и теоретических приемов. Но количество и качество исследо-

⁴⁸ История США, т. 1–4. М., 1983–1987, т. 3, с. 247.

⁴⁹ Robertson R.M., Walton G.M. History of American Economy. New York, 1979, p. 482.

⁵⁰ Среди новейших публикаций источников выделю 20-томную “Документальную историю президентства Ф.Д. Рузвельта”: Documentary History of the Franklin D. Roosevelt Presidency, v. 1–20. Washington, 2001–2003.

ваний американского социума (так на современном этапе в научной литературе стала обозначаться социальная составляющая общества), как традиционных, так и новых социальных дифференциации, отношений, конфликтов удовлетворить не могут.

При этом расово-этническим отношениям и конфликтам постсоветская американистика внимание уделяла. Появился ряд работ, заслуживающих высокой оценки. Это исследования расово-этнических проблем, принадлежащие Э.Л. Нитобургу и З.В. Чертиной⁵¹. В изучении гендерной исторической тематики заметны исследования самарского историка Л.Н. Попковой⁵². Но эта тематика заслуживает более всестороннего и углубленного изучения, как и анализа в широком историческом контексте, включающем как историческую ретроспективу, так и перспективу. Расово-этнические и гендерные проблемы явились в последние 50 лет главным фактором возникновения в США такого социального феномена, как “культурные войны” (точнее было бы назвать их социокультурными). Они раскололи американское общество на, условно говоря, традиционалистов и мультикультуралистов (к последним принадлежат не только сторонники полного равенства и равноправия разных рас и этносов, женщин и мужчин, но также сторонники полного равенства и равноправия представителей традиционных и нетрадиционных семей, различных сексуальных ориентаций и т.д.). Этот раскол на современном историческом этапе создает в США магистральную социальную напряженность. Всесторонний анализ генезиса, эволюции и периодов этого нового долговременного конфликта – актуальная задача российской исторической американистики.

На современном этапе развития отечественной исторической науки заметным явлением стало ее теоретическое обновление. Укажу на два теоретических нововведения, наиболее близких автору⁵³. Первое нововведение – цивилизационный подход. США относятся к наиболее распространенному типу цивилизаций, обозначаемых как *локальные*. Локальная цивилизация в своем общественно-историческом развитии демонстрирует преимущество основополагающих экономических, политических и особенно социокультурных характеристик, и эти характеристики в значительной мере оказываются доминантами ее внутренней структуры и эволюции. Соединенные Штаты обладают характеристиками, типичными для западной цивилизации в целом, но в их развитии наличествуют также архетипы и факторы, присущие только им. В целом можно говорить о цивилизации США как самостоятельном историческом феномене.

Многу был предложен реестр архетипов и факторов цивилизации США, которые оказались полезны при анализе долговременных тенденций американской истории. Вот они. 1. *Либерально-капиталистический индивидуализм* (был выделен в качестве главного фактора цивилизации США, который оказывал на протяжении всей американской истории огромное, в целом ряде отношений определяющее воздействие на все сферы общества и, что особенно важно при изучении цивилизации, доминировал в национальной культуре). 2. *Англосаксонский архетип* (британские цивилизационные характеристики, перенесенные в Новый Свет). 3. *Равенство возможностей* (укоренившееся в американской ментальности представление о справедливом равенстве). 4. *Гражданское общество и демократия*. 5. *Подвижный фронт* (в XVII–XIX вв. возможность для массы белых американцев “передвигать” границу освоенных восточных земель и заселять огромные незанятые западные территории, обращаясь в независимых собст-

⁵¹ Чертина З.С. Плавильный котел? Парадигма этнического развития США. М., 2000; *ее же*. Старая проблема в новом столетии: мексиканская нелегальная иммиграция в США. – Американский ежегодник 2012. М., 2012; *Нитобург Э.Л.* Русские в США: история и судьбы, 1870–1970. М., 2005; *его же*. Афроамериканцы США. XX век. М., 2009.

⁵² Попкова Л.Н. Политика равных прав и равных возможностей (На примере США). – Теория и методология гендерных исследований. М., 2001, с. 222–234; *ее же*. Теория и практика современного феминизма. Женское движение в США. – Введение в гендерные исследования, ч. I. СПб., 2001, с. 635–663.

⁵³ Подробно см.: *Согрин В.В.* Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США. – Новая и новейшая история, 2012, № 1, с. 25–43.

венников. После исчерпания свободных земель – социокультурный фактор – убеждение, что каждый индивидуум должен иметь и имеет возможность преодолевать жизненные фронтиры, не бояться “сниматься с места”, если возможности имущественного или статусного роста исчерпаны или неудовлетворительны). 6. *Массовая иммиграция* как важнейший перманентный фактор формирования и развития американской нации и социума. 7. *Мессиянизм* – убеждение, что США предназначено облагодетельствовать своими ценностями всё человечество.

Использование цивилизационного подхода не означает утверждение его в качестве единственно научного метода, лишённого каких-либо недостатков и слабостей. Одно из слабых мест цивилизационного подхода, проявляющихся в ряде работ, написанных на его основе, – абсолютизация роли цивилизационных факторов, принижение значений исторических перемен. Избежать опасности цивилизационного “перекоса” в изучении истории той или иной страны, в том числе и США, можно, оставаясь на почве историзма. Оставаясь на этой “священной” для любого историка почве, можно обнаружить, что цивилизационные характеристики не были некими монолитами, они видоизменялись в различные исторические эпохи, могли блокироваться, а то и нейтрализовываться иными факторами, как и меняющейся исторической средой. Цивилизационные категории, как и категории любой обществоведческой теории, выражают определенные важные тенденции, но не более того, они сродни скорее веберовским идеальным типам, нежели неким “железным” законам истории.

В современном теоретическом арсенале всё большее место стала занимать *междисциплинарность* (обозначаемая подчас как “полидисциплинарность”), т.е. использование при познании прошлого методов различных общественных наук. Отметим, что междисциплинарность развивалась в отечественной исторической науке и в советский период, но тогда она сводилась к использованию методов марксистского обществознания. В постсоветский период *междисциплинарность* в исторической науке качественно изменилась, поскольку она стала свободно черпать из арсенала современного мирового обществознания, в первую очередь из таких дисциплин, как культурология, социология, политическая наука, антропология. Многие историки с недоверием относятся к методам общественных наук, считая их несовместимыми с историзмом. Ловушка антиисторизма, действительно, является главной опасностью, возникающей в случае механистического восприятия историками междисциплинарной методологии. Дело в том, что для общественных наук, в отличие от историографии, историзм отнюдь не является “священной коровой”. Многие общественные науки, среди них экономика, социология и политология, поставившие основной арсенал междисциплинарной методологии, сориентированы в первую очередь и даже почти исключительно на изучение современности, многие параметры которой обладают фундаментальными отличиями от параметров прошлых эпох. Кроме того, лежащий в основе главных социальных наук структурно-функциональный анализ ориентирует на изучение константных общественных феноменов, иначе говоря, какие функции и каким образом выполняют те или иные общественные структуры и институты в том или ином временном срезе. Что же касается общественных изменений, имевших место в прошлом, исторической конкретики и специфики, не укладывающихся в структурно-функциональные взаимосвязи, то они зачастую трактуются как не заслуживающая внимания “событийная история”.

Есть историки, причем не только в России, но и за рубежом, которые предпочитают вообще наложить табу на использование методов и категорий общественных наук в историографии. Такой подход представляется крайностью. Возьмем, к примеру, политическую науку. В советском обществознании она была дисциплиной *non grata*, в постсоветский период стала обретать “право гражданства” под именем политологии. Категории и понятия политической науки помогают, в случае их надлежащего соединения с собственными методами и приемами исторической науки, глубже и разностороннее раскрывать сущностные, структурные и системные характеристики и взаимосвязи разных исторических эпох. Назову только некоторые важные категории политической науки, которые табуировались советским обществознанием, но вошли в обиход пост-

советского обществознания, в том числе исторической науки. Это *политический режим, политический плюрализм, политическая культура, политический актор, политическая социализация, политический класс, политическое участие, политическая модернизация*. Важно помнить, что эти категории и понятия, так же как и цивилизационные категории, являются теоретическим подспорьем для постижения сущностных характеристик прошлых эпох, но ни в коем случае не их матрицей.

Современная социологическая наука также включает в себя категории и подходы, которые в сочетании с собственными методами исторической науки помогают преодолеть “узкие места” отечественной американистики и расширить возможности объективного и творческого изучения социальной истории. Отмечу, что мировая социологическая наука не отвергает категории *классов*, но трактует их иначе, чем марксистская наука. Социальную дифференциацию (стратификацию) она рассматривает более широко, включая в нее на равных с экономическими классами крупные социальные группы – расово-этнические, религиозные, возрастные, гендерные. Для изучения американской социальной истории подобное повышение статуса этих социальных групп имеет важное значение, поскольку на многих исторических этапах именно они, а не экономические классы выходили на ведущую общественно-политическую позицию.

Социология предлагает историографии целый набор важных познавательных категорий. Вот только некоторые среди них: *горизонтальная и вертикальная социальная мобильность, социальные группы и социальные институты, социальная культура и социальные субкультуры, предписанные и приобретенные социальные статусы, социализация первичная, вторичная и ресоциализация, социальная стратификация, социальная роль*.

Междисциплинарность не отрицает значения традиционных подходов. Они сохраняют и в обозримом будущем сохранят ведущую позицию в отечественной исторической американистике. Междисциплинарные подходы, расширяющие ее познавательные возможности, важно поддерживать. Как представляется, усилий отдельных исследователей для этого недостаточно. Познание междисциплинарной методологии важно пестовать среди студентов и аспирантов исторических факультетов высших учебных заведений. Только в этом случае она может пустить прочные корни в исследовательской практике исторической науки.